КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1895 года. № 12. 16 Іюня.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю четвертую по Пятидесятницѣ.

Въ прочитанномъ сегодня евангеліи благовѣствовалось о чудесномъ исцѣленіи Господомъ, Іисусомъ Христомъ, слуги одного римскаго сотника (Матѳ. 8, 5—13).

Многознаменательно и многопоучительно для насъ, бр., это евангельское повѣствованіе! Многознаменательно само чудо Господа Іисуса Христа, какъ несомнѣнное доказательство Его Божества. Кто, кромѣ Бога, можетъ однимъ словомъ своимъ и при томъ заочно исцѣлить отъ болѣзни человѣка? Многопоучительна и вѣра сотника, обратившагося къ Господу, Іисусу Христу, въ горѣ своемъ за помощію. Какая твердая увѣренность во всемогуществѣ Божіемъ слышится въ словахъ сотника: *Токмо рцы слово и исцѣлѣетъ отрокъ мой. Ибо и азъ человѣкъ есмь подъ властію, имый подъ собою воины, и глаголю сему: иди, и идетъ, и другому: пріиди, и*

приходитъ, и рабу моему: сотвори сіе, и сотворитъ... Другими словами: Тебѣ, Господи, все подвластно, какъ подвластенъ мнѣ воинъ, или рабъ. Тебѣ все повинуется, Тебя все послушаетъ, а потому помоги мнѣ, Господи! И угодна Господу была вѣра сотника, пріятна была и мольба его, —и Господь не только исполнилъ его просьбу, но еще подалъ ему надежду, что онъ возляжетъ въ царствіи небесномъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ.

Возлюбленные братіе! Отъ благочестиваго сотника поучимся вѣровать во всемогущество и милость Божію. Поучимся, что только Одинъ Богъ Всемогущій можетъ избавить насъ отъ напастей и скорбей, а потому поучимся—прежде всего и болѣе всего обращаться къ Богу за помощію въ своихъ несчастіяхъ и бѣдахъ.

Ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ: (Мѳ 8, 10), сказалъ Господь Іисусъ Христосъ, видя твердую вѣру сотника. Господь не нашелъ между евреями вѣры въ Себя, какъ Бога, а потому и отвергъ ихъ за невѣріе; а вмѣсто нихъ, по Своей всеблагости, призвалъ насъ недостойныхъ и грѣшныхъ въ царствіе Свое. Нѣкогда евреи были народомъ Божіимъ, а теперь мы, по благодати Божіей, народъ избранный, народъ Божій. Но и найдетъ ли между нами Господь такую вѣру, какую обнаружилъ благочестивый сотникъ и какой не нашелъ между евреями? Если найдетъ—благо намъ, ибо и мы возляжемъ *со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи небеснѣмъ;* если же не найдетъ, то горе намъ! ибо и мы будемъ отвергнуты Господомъ, какъ отвергнуты евреи; и мы будемъ изгнаны *во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.* Разсмотримъ же внимательно, какова вѣра наша, и такъ ли мы поступаемъ при различныхъ обстояніяхъ и скорбяхъ, какъ поступилъ благочестивый сотникъ.

Конечно, каждый изъ насъ вѣруетъ въ Господа Іисуса Христа, въ Его Божеское всемогущество и благостыню. Каждый изъ насъ вѣруетъ, что силенъ Господь помочь намъ въ нашихъ нуждахъ, бѣдахъ и скорбяхъ. Эту самую вѣру имѣлъ и благочестивый сотникъ, обратившійся за помощію къ Іисусу Христу. Но сотникъ и въ поступкахъ своихъ обнаружилъ свою вѣру; а мы..., горе намъ, что мы своими поступками не вѣру обнаруживаемъ, но прямо обличаемъ себя въ невѣріи и суевѣріи! Когда постигаетъ насъ какое нибудь горе, какая нибудь скорбь, утрата,—нѣкоторые изъ насъ какъ будто забываютъ, что это Богъ посѣщаетъ насъ гнѣвомъ Своимъ,—мы малодушествуемъ, ропщемъ на всѣхъ и все, въ томъ числѣ и на Бога. Господи! за что Ты наказываешь насъ? восклицаемъ мы въ какомъ то негодованіи. Будто и въ самомъ дѣлѣ мы такіе праведники, что насъ нѣтъ за что наказывать... Подумайте только, что было бы съ нами, если бы Господь сталъ наказывать насъ за каждый нашъ проступокъ, за каждую вину; что отъ насъ осталось бы тогда?.. Кромѣ того, въ случаѣ болѣзни кого либо изъ насъ, или нашей скотины, мы прежде всего обращаемся къ знахарямъ и бабамъ-шептухамъ, а не къ Богу. Этимъ самимъ мы показываемъ, что отъ знахарей и знахарокъ мы надѣемся больше получить помощи, чѣмъ отъ Бога. Это ли вѣра въ Божіе всемогущество? Это ли христіанская надежда на Его всеблагость? Не суевѣріе ли это?

Горе міру отъ соблазнъ..; обаче горе человѣку тому, имже соблазнъ приходитъ (Мѳ. 18, 7): сказалъ Господь, Іисусъ Христосъ. Эти знахари и бабы-знахарки, къ которымъ вы такъ часто обращаетесь, соблазняютъ темныхъ невѣжественныхъ людей, а потому горе имъ! Къ тому же, эти знахари и знахарки, ничего не зная, только

обманываютъ васъ, извлекая изъ того не малую для себя и выгоду. Дадутъ они отвѣтъ передъ Господомъ! Но не только они, а и тѣ дадутъ отвѣтъ предъ Богомъ, которые къ нимъ обращаются; ибо этимъ самимъ они обнаруживаютъ свое невѣріе въ Бога. А потому, бр., какъ желающій вамъ добра, молю васъ, въ несчастіяхъ не обращайтесь никогда къ знахарямъ, а помолитесь прежде всего Господу Богу, помолитесь усердно, со слезами, съ вѣрою и надеждою, помня, что Господь чаще всего наказываетъ насъ несчастіями за наши грѣхи. Кайтесь тутъ же на молитвѣ въ грѣхахъ вашихъ и давайте обѣщаніе исправить въ будущемъ жизнь свою. Помолившись усердно Господу Богу и раскаявшись въ грѣхахъ своихъ, затѣмъ обращайтесь и къ людямъ знающимъ, которые знаніями своими, мудрыми совѣтами могутъ помочь вамъ,—только не къ знахарямъ—невѣждамъ и обманщикамъ. Въ случаѣ, напр., болѣзни, послѣ молитвы, обращайтесь къ врачамъ и другимъ знающимъ людямъ. Врачей не чуждайтесь; ибо даже и нѣкоторые святые люди были врачами и помогали людямъ даромъ врачеванія. Таковы были: великомученикъ Пантелеимонъ, безсребренники Косма и Даміанъ и многіе другіе. Но, обращаясь къ людямъ за помощію, помните, что люди сами, безъ помощи Божіей, ничего не могутъ помочь вамъ; а потому, пользуясь совѣтами и помощію людей, будемъ продолжать съ вѣрою, съ искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ и съ надеждою на милосердіе Божіе, молиться Господу Богу, прося помощи и заступленія передъ Богомъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Аминь.

Священникъ *С. Козлинскій.*

Поучительное чтеніе

въ память святителя Тихона, епископа амаѳунтскаго, (16 іюня).

(Милосердіе отрока).

Въ житіи воспоминаемаго въ нынѣшній день, 16 іюня, святителя Тихона амаѳунтскаго, жившаго на островѣ Кипрѣ 1400 лѣтъ тому назадъ, между прочимъ, разсказывается изъ времени его дѣтства слѣдующее. Отецъ святителя Тихона былъ бѣднымъ хлѣбникомъ: покупалъ муку, пекъ хлѣбы, продавалъ ихъ на базарѣ и тѣмъ прокармливалъ свое семейство. По бѣдности, онъ посылалъ иногда своего малолѣтняго сына Тихона на базаръ съ хлѣбами для продажи. А сынъ, бывало, одинъ-другой хлѣбъ и дастъ нищимъ въ милостыню, безъ вѣдома отца. Однажды отецъ узналъ, что сынъ его раздалъ нѣсколько хлѣбовъ безъ денегъ, и сталъ на него сердиться и бранить. Богобоязненный отрокъ, выждавши пока отецъ нѣсколько успокоится, сталъ ему кротко говорить: «о чемъ ты, отецъ, печалишься; развѣ я что нибудь дурное сдѣлалъ? Давая милостыньку бѣднымъ, вѣдь, втайнѣ я давалъ Богу; на это есть неложное свидѣтельство и въ Словѣ Божіемъ, которое учитъ, что кто дастъ Богу, тотъ сторицею получитъ. А если ты, отецъ, не вѣришь этимъ словамъ, пойдемъ въ житницу нашу, тамъ ты увидишь, какъ Господь отдаетъ своимъ заимодавцамъ. Отецъ сначала не придавалъ значенія словамъ сына и продолжалъ ему выговаривать, хотя уже нѣсколько спокойнѣе, а наконецъ и пошелъ съ сыномъ въ амбаръ. И чтоже? лишь только открыли амбаръ, закромъ оказался полнымъ чистой пшеницы, тогда какъ прежде въ немъ было пусто. Отецъ въ недоумѣніи; ка-

кой то страхъ напалъ на него, и онъ, наконецъ, въ благоговѣніи палъ на колѣни и сталъ благодарить Бога, сотворившаго великое чудо. Съ того времени отецъ далъ своему сыну полную волю раздавать бѣднымъ, сколько хочетъ; и объ этомъ уже никогда не жалѣлъ: при щедродательности сына, онъ не терпѣлъ бѣдности. Въ щедродательномъ сынѣ своемъ отецъ нашелъ богатую сокровищницу,—особенно, когда сынъ его, въ званіи епископа амаѳунтскаго и чудотворца, оказывалъ богатыя милости всѣмъ, всѣмъ правовѣрнымъ своей паствы.

Да, неложная истина, что подающій бѣднымъ милостыню втайнѣ даетъ Богу и сторицею пріиметъ. Всѣмъ намъ должно твердо помнить эту святую истину и жить по ней. Особенно вамъ, отцы и матери семействъ, слѣдуетъ пріучать вашихъ дѣтей съизмала—быть милостивыми и сострадательными къ другимъ. Идетъ нищій, дайте копѣечку или кусокъ хлѣба вашему дитяти въ руки и пусть оно собственноручно подастъ Христа ради милостыньку. Съ какой любовію пріиметъ эту милостыню отъ вашего дитяти старецъ нищій. Какою любовью забьется молодое сердечко и вашего дитяти, когда оно услышитъ слово благодарности отъ сѣдовласаго старца бѣдняка! Какимъ святымъ пламенемъ отъ такой милостыни загорится душа того и другаго! О, если бы такимъ святымъ пламенемъ почаще горѣли наши души, а особенно душа дѣтская, воспитывающаяся для трудовой и скорбной жизни въ семъ мірѣ! Добросердечныя, щедродательныя дѣти ваши никогда не потеряютъ мзды своея; они сторицею пріимутъ, можетъ быть, даже еще въ этой жизни за свои дѣтскія милостыньки. Если же дѣти ваши будутъ грубы, немилосердны и жестоки къ людямъ, особенно къ бѣднымъ

людямъ, нищимъ,—то изъ такихъ вашихъ дѣтей, навѣрно, выростутъ недобрые сыновья и дочери, недобрые, несчастные люди. Горько потомъ будетъ отъ нихъ и вамъ; не житье будетъ и имъ самимъ съ черствымъ и жестокимъ нравомъ. Воспитывайте же, бр. мои, дѣтей вашихъ въ духѣ христіанскаго милосердія и сострада нія. Ни подъ какимъ видомъ не допускайте и не дозволяйте вашимъ дѣтямъ смѣяться надъ нищимъ, бросать въ него камнями, грязью и проч., что, къ сожалѣнію, иногда бываетъ у насъ. Помните, что если вы будете воспитывать дѣтей вашихъ въ духѣ христіанскаго милосердія и сострадательности, то за это вамъ и дѣтямъ вашимъ будетъ воздано сторицею. Аминь.

Характеръ древне-русскаго образованія и роль православнаго духовенства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Десять лѣтъ тому назадъ, раздалось державное слово великаго, приснопамятнаго Монарха: «надѣюсь что приходское духовенство окажется достойнымъ своего призванія» —къ просвѣщенію и образованію народа. Послушные царскому призыву и ободренные имъ служители Церкви энергично принялись за открытіе церковно-приходскихъ школъ, въ которыя они должны были внести духъ Православной вѣры и церковности. Но, прежде чѣмъ это великое и святое дѣло просвѣщенія начало прививаться, сколько пришлось слышать возраженій противъ него, сколько порицаній! Всѣмъ памятны вопли недоброжелателей церковно-приходской школы. Однимъ она казалась зданіемъ построеннымъ не только на пескѣ, но даже на воздухѣ; другимъ она казалась какимъ-то абсурдомъ; а болѣе крайніе противники ея находили въ церковно-приходской школѣ не просвѣщеніе, а только извращеніе духовной природы дѣтей; одинъ изъ такихъ не постѣснился сказать, что «въ такъ называемыхъ церковно-приходскихъ школахъ не учатъ, а развращаютъ крестьянскихъ мальчишекъ: ихъ не развиваютъ, а заби-

ваютъ; ихъ учатъ вѣрить во всѣ старинныя поповскія сказки и строго держаться суевѣрій и предразсудковъ». Словомъ, чего, чего не наговорили мнимые ревнители просвѣщенія! И, однако, что же?

Церковно-приходская школа не только не умираетъ и не глохнетъ, но растетъ и развивается не по днямъ, а по часамъ. Теперь школы эти завоевали себѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, такъ что прежніе порицатели ихъ все болѣе замолкаютъ. Повидимому, болѣе серіознымъ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ замѣчаній противъ церковно-приходскихъ школъ является то, что институтъ церковно-приходскихъ школъ началъ организовываться безъ подготовленныхъ твердыхъ средствъ. «Школа церковная», по замѣчанію одного высокообразованнаго Москвича, «вышла на дѣланіе свое, не имѣя ни сребра, ни мѣди при поясѣ, безо всякой поддержки богатыхъ народными средствами земствъ». Но, видно, духовнонравственное учрежденіе не всегда необходимо требуетъ золотыхъ и каменныхъ подпорокъ; въ организаціи его преимущественное значеніе имѣютъ нравственная сила и самоотверженная готовность призванныхъ дѣятелей служить святому дѣлу. Такою-то нравственною силой и крѣпка наша церковно-приходская школа. Она возсоздана на началахъ исторически сложившихся и всегда крѣпко хранящихся въ глубинѣ души Русскаго народа. Она положила въ основу свою развитіе этихъ началъ. Начала эти—беззавѣтная преданность народа Церкви православной и всегдашнее стремленіе «жить по Божески». По словамъ Ѳ. М. Достоевскаго, «нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и Его ученіе..; въ огромномъ большинствѣ своемъ онъ православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, хотя не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и разумно».

На этой почвѣ изстари созидалось народное образованіе. Съ другой стороны, самыми естественными и историческими учителями народной школы являются церковные пастыри.

Съ тѣхъ поръ какъ св. Кирилломъ переведены были, прежде всего, знаменательныя слова Евангелиста-Богослова—«Въ началѣ бѣ Слово», началось славянское просвѣщеніе, началась и своя славянская литература. И съ этихъ же поръ славянскій языкъ сдѣлался языкомъ священнымъ, языкомъ церковнаго богослуженія

для всего племени Славянскаго; тогда же разрушено было давнишнее суевѣріе, якобы имя Божіе можетъ быть прославляемо только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ. Такой подвигъ славянскихъ просвѣтителей имѣлъ величайшее значеніе для Русской земли. Благодаря ему, строговосточное православіе быстро привилось къ Русскому народу и пустило самые глубокіе корни. Православіе сдѣлалось самымъ отличительнымъ признакомъ Русскаго народа. Вѣра православная легла во главу угла всего русскаго государственнаго строя. Въ годъ 1000-лѣтія русской государственности владыка Филаретъ, митрополитъ московскій, встрѣчая императора Александра Николаевича въ Успенскомъ соборѣ, такими словами выразилъ эту мысль: «что было началомъ огражданствованія и просвѣщенія Россіи? Что объединило ее послѣ княжескаго раздробленія? Что не допустило ее пасть подъ чужимъ игомъ и исторгло изъ-подъ ига? Что изъ разрушительнаго междоусобія возсоздало ее въ сильно сосредоточенную монархію? Не паче ли всего Вѣра православная?» (Собр. соч. м. Филарета 1885 г. V, 549—550).

Вѣра православная, сослуживъ великую службу «огражданствованію Россіи», заронила и первыя сѣмена ея просвѣщенія. Первыми просвѣтителями книжною славянскою мудростію были тѣ же лица, которыя были и просвѣтителями душъ святою вѣрою Христовою, то есть, это были церковные пастыри. Кромѣ ихъ, никто не могъ взять на себя дѣла книжнаго наученія и религіознаго просвѣщенія.

«Нача Владиміръ,—говоритъ лѣтописецъ,—ставити по градомъ церкви, людіе нача приводити на крещеніе, нача ставити поповъ къ церквамъ и нача поимати у нарочитыя чада дѣти и даяти ихъ въ наученіе книжное». Сынъ его Ярославъ, прозванный Мудрымъ, былъ великимъ ревнителемъ просвѣщенія; онъ «церкви ставяше, поставляя попы, веля имъ учити люди». Самъ онъ, любя уставы церковные, по замѣчанію Лѣтописца, «попы любяше повелику, излиха же черноризцы, и книгамъ прилежа и почитая я часто въ нощи и во дни». Такимъ образомъ, въ первый же періодъ нашей церковной исторіи крѣпко сложилось убѣжденіе, что дѣло книжнаго наученія есть преимущественно дѣло лицъ

духовныхъ. Неразрывно съ этимъ убѣжденіемъ, развивалось и самое пониманіе цѣлей и пользы грамотности: существеннѣйшій смыслъ ея заключается въ томъ, чтобы понимать «глаголы живота вѣчнаго и поучаться закону Господню день и нощь». Первые наши учители Славянъ уже поставили вопросъ о просвѣщеніи и образованіи религіозномъ въ тѣсную связь съ вопросомъ о религіозно-нравственномъ развитіи человѣка и считали обученіе посредствомъ «слова буковнаго» необходимымъ условіемъ усовершенствованія нравственнаго. Одинъ славянскій епископъ IX вѣка, Климентъ, говоритъ: «душа безъбуковная мертва». Мысль о необходимости просвѣщенія и грамотности, слившаяся съ мыслію о Библіи, привилась къ русскому сознанію. Приведемъ слова нашего Лѣтописца о пользѣ ученія книжнаго: «Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго: книги указываютъ и учатъ насъ пути покаянія; мудрость и воздержаніе получаемъ мы отъ словесъ книжныхъ; это—рѣки напояющія вселенную, это—исходища мудрости: ими мы въ печали утѣшаемся; они узда воздержанія». Вотъ почему древне-русскій человѣкъ почитанье книжное считалъ дѣломъ спасительнымъ и не рѣдко даже говорилъ: «кто часто чтетъ книгу, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ и св. мужи»; или даже: «не возможно спастися, еже не часто прочитающимъ божественныя писанія». И это мнѣніе вполнѣ естественно: книги явившіяся въ то время были Св. Писанія, богословскія, святоотеческія, богослужебныя и др., содержавшія въ себѣ ученіе вѣры и спасенія.

Въ періодъ монгольскій обстоятельства дѣла въ существенныхъ чертахъ не измѣнились. Какъ и раньше, духовенство оставалось единственнымъ учителемъ народа. Но внѣшнія условія для ученія книжнаго были менѣе благопріятны, и не потому только что тогда было монгольское иго, а еще не менѣе потому, что тогда была постоянная междоусобица князей. Отъ этого періода не сохранилось свидѣтельствъ о заботахъ князей по учрежденію особыхъ училищъ. Но за то отъ того времени осталось одно очень важное свидѣтельство, что неграмотный членъ въ духовной средѣ признавался уже явленіемъ ненормальнымъ, подлежалъ изгнанію изъ этой среды, былъ изгой. Въ одной грамотѣ Новгородскаго

князя Всеволода-Гавріила читаемъ: «изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ» ...; затѣмъ перечисляются другіе виды изгойства.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія монгольскаго періода, говоритъ авторъ Очерковъ исторіи церковно-приходскихъ школъ, Церковь православная, въ лицѣ своихъ пастырей, спасла Руси ея духовное просвѣщеніе и «книжное наученіе». Какъ единственное образованное на Руси сословіе, духовенство не переставало учить народъ въ храмѣ и школѣ, малыхъ и взрослыхъ, продолжая устроять и поддерживать училища «на утвержденіе вѣры» (очеркъ 2-й, стр. 29). Несомнѣнно то же было, только съ значительно большимъ оживленіемъ, и въ періодъ послѣ-монгольскій. Отъ XVI вѣка сохранилось особенно важное, и для нашего времени поучительное свидѣтельство о томъ, что тогда непремѣнными и самыми естественными учителями народными считались церковные пастыри и причетники. Свидѣтельство это заключается въ слѣдующемъ постановленіи Стоглаваго собора: «и мы, по царскому совѣту, соборнѣ уложили: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ (и на посадѣ, и по волостямъ и погостамъ) протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ избрати добрыхъ священниковъ и діаконовъ, дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ..; у тѣхъ священниковъ и діаконовъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы всѣ православные христіане въ коемждо градѣ предавали имъ дѣтей своихъ въ наученіе грамотѣ и наученіе книжнаго письма и церковнаго пѣнія псалтырнаго и чтенія налойнаго, и тѣ бы священники, и діаконы, и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію». Таковъ былъ типъ школъ въ XVI вѣкѣ; такимъ же остался онъ и въ XVII вѣкѣ. Современныя церковно-приходскія школы представляютъ собой большое подобіе сему, только, конечно, со многими усовершенствованіями. Въ XVIII вѣкѣ Петръ Великій, съ котораго начали свое существованіе свѣтскія школы, засталъ одни духовныя училища. Но и послѣ Петра свѣтскія школы были школами не для низшихъ классовъ народа, а для сословій дворянскаго и военнаго; простой же народъ попрежнему продолжалъ черпать мудрость въ книгахъ «божественныхъ», каковы: Псалтирь, Часословъ, церковный букварь и т. п.

Доселѣ мы говорили о характерѣ древне-русскаго образованія, насколько оно касалось Русскаго народа въ мірѣ живущаго. Но если говорить о «древне-русской учености», то во главѣ ея, несомнѣнно, нужно поставить монастыри и обители. Древне-русскіе монастыри, примѣняясь къ современной терминологіи, можно назвать высшими учеными заведеніями того времени. Тогда всякій, кто хотѣлъ знать больше книжной мудрости, стремился въ монастырь. Кромѣ библіотеки, основанной Ярославомъ при кіевскомъ Софійскомъ соборѣ и преждевременно погибшей, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя было тогда найти такихъ богатыхъ библіотекъ, какъ только при монастырѣ, потому что чтеніе и списываніе книгъ было самымъ любимымъ занятіемъ монаховъ. Въ древности говорили даже такъ: «яко же корабль безъ гвоздій не составляется, тако инокъ безъ почитанія книжнаго». Относительно этой дѣятельности русскихъ монастырей находимъ въ лѣтописяхъ многочисленныя замѣчанія; часто въ нихъ рисуются чудныя картины. Полночь, тишина; но въ келліи игумена Ѳеодосія—свѣтъ. Тамъ молодой ученикъ игумена—Иларіонъ, мастеръ писать, пишетъ книги. Самъ игуменъ Ѳеодосій, распѣвая псалмы, прядетъ нитки для связыванія тетрадей, а великій Никонъ переплетаетъ написанныя книги. Умеръ великій игуменъ, но остался жить духъ его. Послѣ его смерти, устроенный имъ монастырь сдѣлался разсадникомъ просвѣщенія для всей Россіи. Чернецы этого монастыря, расходившіеся по разнымъ надобностямъ во всѣ концы Россіи, разносили вмѣстѣ съ собою и просвѣщеніе. Но этой многополезной дѣятельности Печерскаго монастыря былъ положенъ конецъ княжескими усобицами и татарскимъ погромомъ, во время котораго монастырь былъ разрушенъ. Тогда скоро выступила Троицко-Сергіева лавра, заявившая себя на первыхъ же порахъ широкою книжною дѣятельностью. Самъ преподобный Сергій любилъ книжныхъ людей и съ особенною энергіей поощрялъ ихъ дѣятельность. Изъ Троицко-Сергіева монастыря расходились книжные люди по всѣмъ мѣстамъ Россіи. «Кириллъ, ученикъ и другъ Сергія, занимавшійся въ его монастырѣ перепиской книгъ, сдѣлавшись настоятелемъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, поощрялъ иноковъ писать книги и говорилъ имъ, что въ ихъ кельяхъ

не должно быть ничего кромѣ книгъ. Любовь иноковъ къ переписыванію была очень велика; они говорили: «печаль мя объемлетъ, аще не пишу». И потому всякая область Россіи имѣетъ какого-нибудь монаха, какъ представителя книжнаго дѣла и хвалится имъ. И послѣднее вполнѣ справедливо. Для насъ трудъ переписыванія сдѣлался совершенно излишнимъ. Но что, если-бы насъ перенести въ ту пору, когда объ услугахъ печатнаго станка еще не знали; тогда только могли бы мы понять и оцѣнить заслугу тѣхъ скромныхъ тружениковъ просвѣщенія, которые день и ночь просиживали за этимъ утомительнымъ занятіемъ и цѣной упорнаго, кропотливаго труда выпускали на свѣтъ Божій одну рукопись за другою и оставили по себѣ ученому міру дорогое наслѣдство въ тѣхъ старинныхъ, часто великолѣпныхъ фоліантахъ, которые доселѣ служатъ украшеніемъ библіотекъ.

Вотъ въ какихъ чертахъ рисуется намъ характеръ древнерусскаго образованія и просвѣщенія, начиная съ низшихъ школъ грамоты при сельскихъ приходахъ и погостахъ, и кончая центрами просвѣщенія—монастырями. Таковъ завѣтъ нашей исторіи. Свѣтъ народнаго образованія на Руси (какой тогда былъ возможенъ) исходилъ отъ сословія, которое, по завѣту Спасителя, всегда должно быть на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ человѣкамъ. Сообразно съ этимъ, блаженный Филаретъ, митрополитъ московскій, говоритъ: «во всѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, въ теченіе 900 лѣтъ, народъ имѣлъ для всей своей массы одно училище—церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ—духовенствомъ». Намъ рисуется вся православная Русь какъ одинъ великій храмъ Божій, на вершинѣ котораго зиждется крестъ Христовъ. Подъ куполомъ этого храма во многовѣковой періодъ Руси совершалось многое множество перемѣнъ, но крестъ Христовъ стоялъ всегда и стоитъ незыблемо доселѣ и не даетъ поколебаться осѣняемому имъ государству. Къ сему кресту всегда устремлялись взоры Русскихъ въ лютыхъ бѣдахъ и скорбяхъ; у него искали они и находили помощь противъ непріятелей; къ нему же, наконецъ, обращались истино-русскіе люди за свѣтомъ и просвѣщеніемъ.

Намъ слышится возраженіе: не идеализируемъ ли мы прошлое Русскаго народа въ отношеніи къ просвѣщенію; гдѣ мы тамъ

усматриваемъ образованіе, когда исторія несомнѣнными свидѣтельствами подтверждаетъ намъ, что на Руси царило невѣжество, что въ древности даже среди духовенства было много такихъ лицъ, которыя не понимали «ни православія, ни кривославія, а божественное писаніе только по чернилу проходили»; среди же простаго народа царила безпросвѣтная тьма! Умъ и чувство народа питались различными суевѣріями, легендарными, часто языческаго характера, сказаніями, при непониманіи Вѣры православной... Да, несомнѣнно, образованіе нашего народа въ прошломъ было вообще скудно. И многое множество было въ немъ темныхъ и прискорбныхъ сторонъ. Но да позволено будетъ спросить: совершается ли такое великое дѣло, какъ народное просвѣщеніе, гдѣ-нибудь скоро? Ужъ не въ западныхъ ли націяхъ? Но стоитъ только вспомнить продолжительную темную эпоху Среднихъ вѣковъ, чтобъ отвѣтить: «нѣтъ и нѣтъ». Мы такъ привыкли и прислушались къ порицанію Русскаго народа за невѣжество въ прошломъ, что, какъ будто, позабываемъ этотъ общій историческій законъ и вмѣстѣ, какъ бы совершенно не обращаемъ вниманія на всегдашнее доброе настроеніе Русскаго народа, которое заключается въ томъ, что онъ всегда стремился къ свѣту и не даромъ сложилъ пословицу: ученье свѣтъ, а не ученье—тьма, при чемъ искалъ свѣта истиннаго, церковнаго.

Въ этомъ основномъ настроеніи народа—вся суть дѣла: его, главнымъ образомъ, нужно имѣть въ виду, когда заходитъ рѣчь о народномъ образованіи. Самыя отрицательныя стороны въ состояніи древне-русскаго образованія подтверждаютъ нашу мысль. Въ многочисленныхъ легендарныхъ сказаніяхъ, повѣрьяхъ, апокрифическихъ сочиненіяхъ и т. п. мы усматриваемъ не что иное, какъ попытку древне-русскаго человѣка рѣшить вѣковые вопросы на почвѣ церковно-православной. И не его была вина въ томъ, что, при рѣшеніи ихъ, онъ, по своей неразвитости и, можно сказать, еще младенческому состоянію, не могъ отличить истины отъ лжи и нерѣдко вѣрилъ самымъ нелѣпымъ побасенкамъ только потому, что онѣ выдавались за произведенія сватоотеческія. Онъ,— припомнимъ здѣсь вышеприведенныя слова знаменитаго писателя,— «православенъ и живетъ идеей православія вполнотѣ, и только не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и разумно».

Всегдашняя, высокая и святая задача русскаго духовенства и заключается въ томъ, чтобы чрезъ школы научить нашъ народъ разумѣть все больше и больше идею православія «отвѣтчиво и разумно». На этотъ подвигъ призываетъ наше духовенство все: и историческій завѣтъ, и священный завѣтъ Христа, апостоловъ и Церкви, и положеніе духовенства среди народа, и постоянное соприкосновеніе съ нимъ. Оглашеніе и ученіе входитъ въ число обязанностей пастырей Церкви, какъ одна изъ самыхъ существенныхъ. Конечно, изъ числа научаемыхъ никоимъ образомъ не могутъ быть исключены дѣти, которыя въ наученіи нуждаются болѣе всѣхъ. А для этого единственный путь—церковная школа, потому что церковная каѳедра и церковное наученіе для дѣтскаго пониманія еще недоступны. Итакъ, несомнѣнно, первоначальное школьное христіанское образованіе есть непремѣнная обязанность пастыря.

Въ 10 правилѣ VII Вселенскаго собора говорится: «паче всего подобаетъ учити отроковъ, читая имъ божественныя писанія, ибо для сего и священство получили». Такимъ образомъ, «педагогическая дѣятельность», какъ говоритъ извѣстный педагогъ и психологъ Ушинскій, «не только не противорѣчитъ характеру дѣятельности священнослужителей, но является самымъ необходимымъ ея дополненіемъ». Дѣло воспитанія и образованія крестьянскихъ дѣтей на началахъ церковныхъ много облегчается тѣмъ, что крестьянскіе мальчики сродняются съ Церковію еще задолго до начала ученія. Самыя лучшія и вмѣстѣ самыя сильныя впечатлѣнія крестьянскій мальчикъ получаетъ только въ церкви, которая доставляетъ его дѣтской душѣ безконечный рядъ не только религіозныхъ ощущеній, но и впечатлѣній эстетическихъ и др. Школѣ остается осмыслить и освѣтить эти впечатлѣнія.

Далѣе, положеніе самого священника въ деревнѣ таково, что, помимо его, никого нельзя тамъ указать, къ кому бы болѣе справедливо приложимо было имя «учитель», «наставникъ». Несомнѣнно, еще не мало есть такихъ глухихъ уголковъ на Руси, гдѣ не знаютъ учителя въ сюртукѣ—изъ свѣтскихъ, и очень много такихъ, гдѣ къ этимъ учителямъ относятся съ предубѣжденіемъ;

но нѣтъ ни одного такого уголка, гдѣ бы крестьяне, въ лицѣ своего «батюшки и отца духовнаго», не признавали и учителя. Въ глазахъ крестьянъ священникъ—самый книжный человѣкъ, который долженъ всѣхъ ихъ учить, а они должны слушаться его: «если ужъ и священникъ чего-нибудь не знаетъ, то кто-чего еще знаетъ», обычно говорятъ крестьяне.

Такъ высоко стоитъ авторитетъ священника въ глазахъ простаго народа. Понятно, поэтому, что крестьяне съ полною охотой вручаютъ своихъ дѣтей руководству такого лица, и священникъ со стороны ихъ никогда не встрѣтитъ такихъ подозрительныхъ отношеній, такихъ косыхъ взглядовъ, какіе въ недавнее время сплошь и рядомъ выпадали на долю народныхъ учителей,—особенно на долю не совсѣмъ осторожныхъ изъ нихъ. Кромѣ полнаго довѣрія и авторитета, священникъ, наконецъ, располагаетъ и еще весьма многими преимуществами предъ учителями пришлыми. Такими преимуществами являются: знаніе народа и близость къ нему, постоянное соприкосновеніе съ нимъ, освященіе своихъ прихожанъ таинствами отъ купели крещенія, благословеніе ихъ во всѣхъ важныхъ жизненныхъ событіяхъ. Словомъ, священнослужители храма Божія должны имѣть въ жизни народа такое же важное значеніе, какъ и самый храмъ Божій. А значеніе послѣдняго для народа огромно. Вступая въ храмъ, крестьянинъ вступаетъ, такъ-сказать, на почву вселенскую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на почву національно-историческую, чувствуетъ себя едино со всѣми православными христіанами и, въ частности, со всею русскою семьей и съ отдаленными предками. Внимая въ церкви «глаголамъ жизни», онъ внемлетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и отеческому преданію. Но теменъ онъ крестьянинъ, тщетно напрягаетъ слухъ; смыслъ многихъ словъ, символическое значеніе обрядовъ, послѣдовательность и полнота Божія откровенія отъ него ускользаютъ при богослуженіи. И говоритъ онъ себѣ: неученье—тьма, а ученье—свѣтъ. И съ радостію встрѣтитъ онъ ту школу, которая воистину поведетъ его къ свѣту, подниметъ его въ высшій духовный міръ, сдѣлаетъ ему доступнымъ разумѣніе Слова Божія.

Итакъ, союзъ Церкви со школой требуется и нашею религіей, и историческимъ завѣтомъ, и самимъ народомъ. А потому

понятно, что въ дѣлѣ народнаго образованія духовенству должно принадлежать самое видное мѣсто. («Моск. Вѣд.»)

Штундизмъ и его стремленія.

(*Корреспонденція*).

Считаю не лишнимъ представить и отъ себя нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи въ настоящее время [1]) штундизма во ввѣренномъ мнѣ 4 округѣ чигиринск. уѣзда. Въ нашемъ чигиринскомъ уѣздѣ, какъ извѣстно, кромѣ Топиловки и Ребедайловки, штундизмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо въ селѣ Журавкѣ. Неизвѣстно, въ какомъ состояніи находится онъ въ первыхъ двухъ пунктахъ, но журавскій штундизмъ, получая моральную и матеріальную поддержку отъ новомиргородскихъ штундистовъ, не смотря на всѣ усилія приходскаго священника о. П. Недѣльскаго, съ умѣньемъ и истинно-христіанскимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ подвизающагося въ борьбѣ съ штундизмомъ въ своемъ приходѣ, если не увеличивается оффиціально въ количествѣ, благодаря усиленному воздѣйствію священника, то замѣтно расшатываетъ религіозно-нравственный строй всего прихода и окружающихъ его селъ, и дѣлается съ каждымъ днемъ все болѣе дерзкимъ, нахальнымъ и самоувѣреннымъ. На него не дѣйствуютъ уже не только религіозно-нравственныя, но даже и полицейскія мѣры. Не довольствуясь распространеніемъ лжеученія въ своемъ селѣ, журавскіе штундисты направили усиленную пропаганду на всѣ окружающія села и обенно на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ находятся подходящія для этого личности изъ подонковъ общественныхъ. Насколько дерзки и самонадѣяны журавскіе штундисты—приведу въ примѣръ слѣдующій фактъ. Желая расширить раіонъ своего лжеученія, они, благодаря близости моего прихода с. Буды Макіевской къ селу Журавкѣ, и особенно благодаря родственнымъ связямъ,

---

[1]) Хотя эта корреспонденція писалась въ позапрошломъ году, но свѣдѣнія, сообщаемыя ею, не теряютъ интереса и нынѣ.—Ред.

весною 1892 г. подкупомъ совратили одного моего бывшаго прихожанина Василія Сербовца, человѣка крайне испорченнаго, не разъ судившагося и отбывавшаго наказанія,—чтобы онъ, какъ безсемейный, имѣющій только одну жену, его достойную, велъ пропаганду въ селѣ и въ окружающихъ селахъ, съ обѣщаніемъ—сдѣлать его пресвитеромъ предполагаемой штундистской общины. Заручившись согласіемъ главарей штундистскихъ и устроивъ на своей усадьбѣ, при помощи ихъ, домъ съ громадной залой, будущій пресвитеръ Сербовецъ, взявъ въ руки Библію и штундистскіе псалмы, началъ вести открыто, ожесточенно, свою пропаганду и днемъ, и ночью, и въ своемъ селѣ, и въ сосѣднихъ, издѣваясь публично надъ православною святынею и надъ всѣмъ православнымъ духовенствомъ, не исключая и высшихъ сановниковъ Церкви. На всѣ увѣщанія мои и добрыхъ прихожанъ, а также благочиннаго, Сербовецъ отвѣчалъ дерзко и съ увѣреніемъ, что теперь вольно всякому вѣровать кто во что гораздъ, и что самъ Государь издалъ на это указъ, и что у него, будто бы, есть дозволеніе вести пропаганду и отъ какихъ то генераловъ. Видя, что путемъ увѣщанія нельзя унять этого расходившагося проповѣдника, я, дабы предостеречь православныхъ, усилилъ съ церковной каѳедры изобличеніе штундистскаго лжеученія и устроилъ внѣбогослужебныя собесѣдованія, сначала и съ участіемъ Сербовца, а послѣ съ одними православными, такъ какъ Сербовецъ при собесѣдованіяхъ сталъ вести себя дерзко и допускалъ кощунственныя выходки. Сербовецъ, такимъ образомъ, велъ свою пропаганду до тѣхъ поръ, пока само общество не востало на защиту Православія, именно: оно единогласнымъ приговоромъ порѣшило выслать изъ своей среды какъ Василія Сербовца, такъ жену и отца его, которыхъ онъ только и успѣлъ совратить въ штунду. По провѣркѣ на мѣстѣ приговора мировымъ посредникомъ и по представленіи таковаго начальству, послѣдовала резолюція: выселить Сербовца, взявъ его предварительно въ тюремное заключеніе; жену выселить по открытіи навигаціи, а отца, по старости лѣтъ, оставить на мѣстѣ. Штундистская горница теперь осталась пустою и была предназначена къ продажѣ на сносъ.

Такимъ образомъ, желаніе общества, хотя и не совсѣмъ было удовлетворено, но штундистскій міръ былъ нѣсколько потрясенъ. Сколько же нравственныхъ страданій и личныхъ оскорбленій пришлось перенесть мнѣ отъ Сербовца и его жены, одному Богу извѣстно. Можетъ быть кто подумаетъ, что Сербовцу отказывали въ пищѣ духовной, по выраженію корреспондента «Гражданина». Но этого нельзя сказать, такъ какъ уже 11 лѣтъ въ моемъ приходѣ ведутся постоянныя бесѣды съ прихожанами, а также открыты для нихъ училищная и церковная библіотеки для чтенія.

Отношенія прихожанъ ко мнѣ и обратно, кажется, самыя лучшія; тоже можно сказать и объ отношеніи другихъ членовъ журавскаго причта къ своимъ прихожанамъ. При этомъ все таки невольно рождается вопросъ: гдѣ же тѣ темныя разрушительныя силы, которыя разшатываютъ вѣру нашего народа, и что за причина сего печальнаго явленія? Что мы пастыри церкви здѣсь ни при чемъ, этому служитъ доказательствомъ, кромѣ приведеннаго мною факта выселенія штундистовъ по приговору общества, что не могло бы случиться при неправильныхъ моихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ, еще и другіе факты, также подтверждающіе это; такъ, напр.: одинъ крестьянинъ села Журавки, по личной злобѣ къ волостному старшинѣ, совратился въ штунду со всѣмъ семействомъ и возвратился въ православіе лишь тогда, когда старшина примирился съ нимъ. Да и выше приведенный штундистъ Сербовецъ сначала также высказывалъ, что онъ поступилъ въ штунду потому, что его оштрафовали за кражу лѣса. Значитъ, теперь выходитъ такъ, что если крестьянину не угодитъ кто либо, то онъ сейчасъ, въ отмщеніе, готовъ поступить въ штунду и изливать свою злобу надъ православною святынею, отечественными законами и надъ духовенствомъ. Враги Отечества отлично пользуются либеральными вѣяніями и съ успѣхомъ направляютъ ихъ къ достиженію своихъ цѣлей, заручившись предварительно нѣкоторыми русскими и православными только по имени, а по духу совершенно враждебными намъ людьми, чтобы они въ своихъ имѣніяхъ матеріально, а въ печати письменно поддерживали ихъ разрушительныя стремленія. Иначе, чѣмъ, напр., объяснить «умныя рѣчи» «Гражданина», перепечатанныя въ 267 № «Кіевлянина» за 1892 годъ, въ отдѣлѣ

«Среди газетъ», гдѣ совершенно отрицается политическая и социальная подкладка штундизма, а вся вина взваливается только на духовенство, которое, будто бы, не умѣетъ дать духовной пищи народу. Корреспонденту «Гражданина» не понравилось, что само уже правительство оцѣнило по достоинству стремленія штундистовъ и изыскиваетъ мѣры къ искорененію этого зла; и вотъ онъ старается, такъ сказать, отвесть глаза всѣмъ и объяснить штундизмъ однимъ только церковнымъ протестомъ, не желая видѣть въ этомъ печальномъ явленіи общегосударственнаго зла, которое есть ничто иное, какъ продолженіе тѣхъ же печальныхъ политическихъ и соціальныхъ броженій, которыя совершались въ 80-хъ годахъ, и жертвою которыхъ сдѣлался одинъ изъ величайшихъ монарховъ. А что это именно такъ, то это можно видѣть и изъ бесѣдъ съ штундистами, которые постоянно твердятъ о несправедливости раздѣла земли,—что у помѣщиковъ, молъ, столько то земли, а у крестьянъ столько... Это же самое проповѣдывалъ и штундистъ Сербовецъ, а также и всѣ журавскіе штундисты, которые, кажется, уже дѣлали и попытку требовать отъ помѣщика земли; а въ сосѣднихъ селахъ К. и С. даже учинили было самоуправство. Если стремленія штундистовъ вездѣ таковы, то невольно есть надъ чѣмъ задуматься; и горе будетъ самимъ же сочинителямъ «умныхъ рѣчей» и всѣмъ покровителямъ штундизма, которые теперь не вѣдаютъ—что творятъ, и которые первые пожнутъ плоды своихъ безумныхъ затѣй. Радоваться единичнымъ возвращеніямъ изъ штундизма въ православіе нечего особенно, такъ какъ въ возвратившихся большею частію уже подорваны всѣ святыя и народныя чувства; это своего рода нравственные калѣки, леченіе которыхъ представляетъ трудную задачу. Еще болѣе трудная задача вразумлять пребывающихъ въ штундизмѣ. Не зная ни исторіи Церкви, ни исторіи своего Отечества и даже отрицая ихъ, они единственно опираются на излюбленныя ими мѣста св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Если указать имъ въ томъ же Писаніи другія противуположныя пояснительныя мѣста, то они силятся понимать ихъ въ своемъ, якобы, духовномъ смыслѣ. Въ бесѣдахъ же съ ними о соціальныхъ вопросахъ, часто ими возбуждаемыхъ, они просто выходятъ изъ себя, если рѣшаются не въ ихъ пользу предложен-

ные ими вопросы, и говорятъ, что священники подкуплены помѣщиками; это же самое постоянно высказывалъ и Василій Сербовецъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Попы соединились съ панами и ведутъ народъ на погибель». Что штундисты, съ потерею православія, теряютъ и всѣ патріотическія чувства къ своему Отечеству и Государю, это уже не подлежитъ сомнѣнію.

«Можно ли, батюшка, итти теперь въ Кіевъ?» спросила меня однажды прихожанка М. Л.—«Почему же?» отвѣчаю. «А говорятъ, что теперь войска обступили Кіевъ и ожидаютъ какихъ то иностранныхъ царей, которые съѣдутся изслѣдовать св. мощи, и если они окажутся не настоящими, то предадутъ суду нашего царя и синодчиковъ». Едва успѣлъ я разувѣрить эту женщину и народъ въ нелѣпости этого слуха, какъ появился другой, еще болѣе нелѣпый и возмутительный слухъ... А отъ кого идутъ подобные слухи?.. На это ясно указываютъ эти самые слухи... А къ какой изобрѣтательности прибѣгаютъ штундисты въ тѣхъ случаяхъ, когда подвергнутся правосудію?.. Они притворяются сумасшедшими и слабоумными, какъ это сдѣлалъ въ свое время журавскій штундистъ П. Б., и какъ поступилъ содержавшійся въ тюремномъ заключеніи Василій Сербовецъ.

Священникъ *В. Левицкій.*

Рѣдкій случай.

(Изъ практики сельскаго пастыря).

Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы (Іоан. X, II), говоритъ Слово Божіе. И каждый пастырь, право правящій свою службу, съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ долженъ исполнять свой долгъ. Каждый день, каждый часъ и каждую минуту онъ долженъ и можетъ положить «душу свою за овцы». И мнѣ, недостойному служителю Божію, представлялся такой случай, когда я, по долгу пастырскаго служенія, подвергалъ себя опасности—пожертвовать собою за одну изъ овецъ ввѣреннаго мнѣ стада. Этотъ случай я и хочу разсказать своимъ соработникамъ на нивѣ Христо-

вой въ назиданіе всѣмъ и въ поученіе, что *идѣже хощетъ Богъ, побѣждается естества чинъ*. Дѣло было такъ.

4 декабря 1894 года, въ день св. великомученицы Варвары, совершалъ я божественную литургію въ приписной къ моему приходу Г—ской церкви. День св. великомученицы Варвары особенно чтится среди женской половины моего прихода, такъ что храмъ въ этотъ день бываетъ особенно переполненъ молящимися. Кромѣ того, по случаю Филиппова поста, здѣсь бываетъ вообще много говѣющихъ женщинъ. Этимъ благочестивымъ обычаемъ была также особенно проникнута одна моя прихожанка—Параскева Парфенюкова. Рано утромъ шла она въ храмъ. Ей вмѣстѣ съ 14 лѣтнею дѣвочкою нужно было проходить по плотинѣ и въ то время, когда она была уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма, на нее набросилась бѣшеная собака и, нанесши большую рану на щекѣ ея, кинулась было къ дѣвочкѣ, но ей разорвала только «кожухъ» (тулупъ),—послѣ чего собака убѣжала дальше.

Быстро объ этомъ событіи разнеслась вѣсть по селу. Не успѣлъ я окончить богослуженія, какъ пострадавшая была уже у знахарки въ сосѣднемъ селѣ, о чемъ я узналъ только чрезъ нѣсколько дней. Я имѣлъ намѣреніе отослать искусанную на Одесскую бактеріологическую станцію, но родные пострадавшей воспротивились этому, успокоивъ меня, что рана уже зажила и больная чувствуетъ себя хорошо. И дѣйствительно, 18 декабря она возвратилась домой отъ знахарки, а 19 говѣла въ своей церкви, при чемъ я не замѣтилъ въ состояніи ея здоровья никакихъ перемѣнъ, за исключеніемъ того, что она показалась мнѣ слишкомъ угрюмою и надъ чѣмъ то видимо сосредоточенною.

Чрезъ пять дней послѣ этого, именно 23 декабря, утромъ, ко мнѣ явился сынъ потерпѣвшей и заявилъ, что мать его почувствовала себя слишкомъ плохо и настоятельно проситъ меня прибыть въ домъ больной для совершенія надъ нею таинства елеосвященія.

— Что же съ нею? спросилъ я крайне встревоженный и растроенный его неожиданнымъ и, откровенно говоря, въ высшей степени непріятнымъ для меня, приглашеніемъ.

— Слава Богу—все хорошо, только мать убѣдительно проситъ васъ, батюшка, немедленно прибыть и «обмасловать» ее.

Изъ этихъ словъ посланного я хорошо понялъ, что съ больною творится не ладное,—и не малое раздумье и нерѣшительность овладѣли мною. Какъ тутъ быть, что дѣлать? такія вопросы неотступно роились въ моей головѣ. Отказаться—значитъ окончательно уронить свой пастырскій авторитетъ въ глазахъ цѣлаго прихода; ѣхать же для совершенія требы—значитъ окончательно пожертвовать собой. Но вѣдь я не одинъ: у меня семья; да я, быть можетъ, и не безполезенъ для прихода. И тутъ-то, въ столь затруднительномъ положеніи, въ головѣ моей страшнымъ укоромъ и въ тоже время ободряющимъ образомъ пронеслись слова Спасителя: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы*. Дѣлать нечего: если Господь судилъ мнѣ пострадать въ данную минуту, значитъ, такъ угодно Промыслу Божію; если же я исполню свой долгъ благополучно, то этимъ могу благотворно повліять, при помощи Божіей, на состояніе духа больной и ея удрученной горемъ семьи. Отступать въ рѣшительную минуту было и стыдно и грѣшно, какъ и воину, давшему обѣтъ—не щадить живота своего для защиты братій. Быть можетъ и мнѣ, недостойному, при помощи благодати Божіей, удастся облегчить страданія потерпѣвшей по слову Спасителя: *Именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ* (Марк. 16, 17),—такъ какъ изъ дальнѣйшихъ распросовъ прибывшаго ко мнѣ я не сомнѣвался въ томъ, что укушенненная собакой заболѣла водобоязнію, или что тоже, бѣшенствомъ,—размышлялъ я.

— Хорошо, пріѣду,—сказалъ я послѣ нѣкотораго раздумья,—только не сегодня, а завтра, такъ какъ сегодня я приглашенъ на погребеніе сосѣда-священника.

Не могу умолчать о томъ ужасномъ состояніи духа, въ которомъ находился я и на похоронахъ почившаго собрата и по прибытіи домой. Цѣлую ночь провелъ я безъ сна, находясь подъ вліяніемъ кошмара, укрѣпляя и поддерживая себя на предстоящій подвигъ. А подвигъ былъ, по истинѣ, великъ и труденъ. Я хорошо понимаю, что «пастырь добрый» каждую минуту можетъ и долженъ положить душу свою за други своя: такъ, онъ можетъ заразиться

при исполненіи священнодѣйствій надъ больнымъ эпидемическою болѣзнію, можетъ внести заразу въ свою семью, можетъ всегда заболѣть и простудиться, служа въ холодной церкви и совершая требы въ ненастье, вьюгу и слякоть; но это все ничто въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ долженъ очутиться человѣкъ, искусанный бѣшеннымъ. При одной мысли объ этомъ у меня невольно лихорадочно билось сердце, кровь леденѣла въ жилахъ и волосы становились дыбомъ. Я не могъ скрывать этого, въ виду грозившей опасности; но благодарю лишь Бога, что я не потерялъ мужества, не потерялъ ясности сознанія своего пастырскаго долга и въ столь рѣшительную минуту оказался на высотѣ своего призванія.

Въ 6 часовъ утра, 24 декабря, я былъ уже въ домѣ больной. Она находилась на печкѣ, гдѣ бормотала какія то несвязныя слова, при чемъ до слуха моего доносились иногда слова молитвы. Такъ какъ церковнымъ старостою не было еще принесено облаченіе, то, въ ожиданіи его, я вступилъ въ бесѣду съ родными больной. Изъ этого разговора я узналъ, что больная, несомнѣнно, была искусана бѣшеной собакой,—съ 20 декабря отказалась отъ вкушенія пищи, а въ особенности воды, и страшно боялась холода, вслѣдствіе чего и находилась все время на печкѣ.

Разговоръ нашъ, очевидно, очень не понравился страдалицѣ, которая такъ отозвалась съ печки:

— Ото, пидняли розмову; неначе не можно объ чимъ другимъ поговорыть!..

Изъ этихъ словъ я хорошо понялъ, что на состояніе духа больной удручающимъ образомъ дѣйствуетъ сознаніе ею ея тяжелаго положенія. Вслѣдствіе этого, я постарался дать направленіе разговору въ сторону совершенно противоположную,—что собака, вѣроятно, не бѣшеная,—что пострадавшая заболѣла отъ испуга и тревоги. Послѣ этого, больная, видимо, нѣсколько успокоилась; но за то еще болѣе я разстроилъ свои нервы и находился въ страшно возбужденномъ состояніи.

Во время этого разговора, прибылъ церковный староста и принесъ облаченіе. Я облачился. Началось священнодѣйствіе. Минута была величественная и торжественная. Вся семья, состояв-

шая изъ 20 душъ дѣтей и внуковъ, стала на колѣни и со слезами на глазахъ горячо молилась объ исцѣленіи болящей. Въ моемъ голосѣ замѣтна была дрожь и волненіе, тѣмъ не менѣе я произносилъ ектеніи, возгласы и молитвы съ рѣдкимъ воодушевленіемъ и особымъ молитвеннымъ настроеніемъ. Въ то время какъ псаломщикъ пѣлъ тропари и стихиры, я взглянулъ на больную. Это была женщина лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ, но довольно моложавая на видъ, полнокровная съ сильно развитой мускулатурой. Очевидно, что въ молодости, да отчасти, пожалуй, и теперь она отличалась крѣпкимъ здоровьемъ и не малою физическою силою.

Она сидѣла на полу [1]) въ бѣлой холщевой рубашкѣ съ растегнутою грудью, которая сильно колыхалась отъ тяжелаго дыханія. Взоръ ея былъ дикій и блуждающій, такъ что она не могла сосредоточиться на одномъ предметѣ и вела себя въ общемъ крайне безпокойно: то произносила какія то невнятныя слова, то вдругъ совершенно сознательно и отчетливо выговаривала слова молитвы, очень часто совершая крестное знаменіе въ особенномъ возбужденіи, порывисто и истово. По временамъ она бросала недружелюбные взгляды на своихъ родныхъ, при чемъ въ это время раздавался, слишкомъ болѣзненно дѣйствующій на нервы присутствующихъ, скрежетъ зубовъ. Откровенно сознаюсь, что отъ этого скрежета у меня невольно бѣгали мурашки по всему организму. Замѣтно было, что у больной происходила въ то же время страшная внутренняя борьба между религіознымъ чувствомъ, которымъ она была всегда особенно проникнута, и тѣмъ злымъ недугомъ, которымъ была одержима въ настоящую минуту. Очевидно, она была поражена психически,—была подавлена всецѣло мыслію о своемъ ужасномъ положеніи, такъ какъ физически, повидимому, она была совершенно здорова и бодра. Когда взоръ ея встрѣтился съ моимъ взглядомъ, она вся какъ то конвульсивно задрожала; окинувши меня съ ногъ до головы своимъ блуждающимъ взоромъ, она что то сказала и послѣ этого начала вслухъ молиться, очень часто совершая на себѣ крестное знаменіе.

---

[1]) Въ родѣ широкой лавки, гдѣ обыкновенно спятъ крестьяне.

Приблизилось время чтенія перваго евангелія. Съ большою осторожностью подошелъ я къ больной; она вся заметалась, вслѣдствіе чего по сторонамъ страдалицы, стали мужъ и старшій сынъ,—поддерживая ее за руки. Возложивъ на главу больной евангеліе, я прочелъ его, послѣ чего поднесъ ей для цѣлованія. Вотъ тутъ то съ особенною ясностію и обнаружилась та внутренняя борьба, о которой я упомянулъ раньше. Всей душой стремилась она къ тому, чтобы облобызать священныя слова Божественнаго писанія, гдѣ такъ часто повѣствуется объ исцѣленіи недужныхъ и изгнаніи злыхъ духовъ, но какая то непонятная внутренняя сила удерживала ее отъ этого. Больная сильно страдала, болѣла душою, страшно скрежеща зубами и напрягая послѣднее усиліе къ тому, чтобы побороть злую волю, которая не допускала ея до выполненія добраго намѣретія. Наконецъ.., она таки поцѣловала св. евангеліе,—но поцѣловала какъ то дико и стремительно, стараясь какъ бы схватить зубами святыя слова.

По прочтеніи первой молитвы изъ чина св. таинства елеосвященія, я, держа въ одной рукѣ елей, а въ другой сучецъ, приблизился снова къ болящей. Она смѣрила меня съ ногъ до головы ужаснымъ взглядомъ, какъ бы говорившимъ: а ну-ка, только тронь меня; такъ и схвачу тебя зубами!..

И дѣйствительно: лишь только я намѣренъ былъ начертать св. крестъ на челѣ больной, она, устремивъ свой бѣшеный взглядъ въ упоръ мнѣ и отдавшись всѣмъ корпусомъ назадъ, готова была накинуться на меня, не смотря на то, что ее придерживали четыре дюжія руки. Я невольно отступилъ назадъ. Послѣ этого больная, не спуская своего блуждающаго взгляда съ меня, воскликнула:

— Чего вы боитесь, батюшка? Дѣлайте мнѣ такъ, какъ и всѣмъ... Мажте мене, мажте!..

Эти слова были произнесены столь рѣшительнымъ голосомъ и такъ повелительно, что къ дальнѣйшему отступленію не было никакой возможности. И, отдавшись въ волю Божію, я снова подошелъ къ больной и, уже не взирая на ея угрозы, страшныя конвульсивныя движенія, скрежетъ зубовъ и произнесеніе угрожающихъ словъ,—съ осторожностью и благоговѣніемъ, началъ совер-

шать елеопомазаніе частей тѣла больной, по чиноположенію. И что же? Совершилось новое чудо милости Божіей; по слову Писанія: *молитва вѣры спасла болящую* (Iак. 5, 16): послѣ этого священнодѣйствія, больная совершенно успокоилась; благодать Божія, преподанная ей въ таинствѣ елеосвященія, исцѣлила ея немощи душевныя. Она стала на ноги, поклонилась мнѣ въ поясъ и сказала, обращаясь ко мнѣ:

Благодарю васъ, батюшка, что вы не отказались сдѣлать порядокъ душѣ моей.

Послѣ этого она снова полѣзла на печку.

На другой день послѣ того, родные несчастной больной разсказывали мнѣ, что, чрезъ нѣкоторое время послѣ соборованія масломъ, она попросила воды: умылась ею и напилась, а вечеромъ въ часовъ 7, когда семья ужинала, и она попросила поѣсть. Въ часовъ 10—11 ночи, больная потребовала къ себѣ дѣтей, поблагословила ихъ, и послѣ этого непостыдно мирно, будучи напутствована св. таинствами, отошла ко Господу...

При такомъ исходѣ болѣзни, родные почившей, не смотря на тяжелую для нихъ утрату, слезно благодарили Господа Бога, что Онъ не попустилъ развиться въ ней болѣзни до крайней степени и даровалъ страдалицѣ кончину христіанскую, непостыдную, мирную, какъ и въ жизни своей почившая была истинною христіанкою!..

С. С. Б.

Сады на церковныхъ усадьбахъ.

Въ годичномъ отчетѣ одного изъ благочинныхъ Тульской епархіи о состояніи ввѣреннаго ему благочинническаго округа за истекшій годъ мы съ грустію прочли между прочимъ слѣдующія строки: «По случаю ненаслѣдственности мѣстъ въ духовенствѣ, усматривается крайнее равнодушіе духовенства къ разведенію не только садовъ, а даже простыхъ деревъ, на церковныхъ усадьбахъ. А между тѣмъ, духовенство должно подавать примѣръ прихожанамъ въ разведеніи растеній, о чемъ такъ заботится теперь Правительство. Были такіе печальные примѣры: прекрасный фруктовый садъ и всѣ растенія на усадьбѣ умершаго священника подъ корень сру-

баются на дрова, потому только, что поступившій на это мѣсто священникъ не можетъ, или не желаетъ платить за деревья»... Еще грустнѣе то, что фактъ этотъ констатируется въ одномъ изъ нашихъ степныхъ уѣздовъ (Ефремовскомъ).

Указанное явленіе было извѣстно намъ давно въ другомъ, также степномъ, уѣздѣ... Во всякомъ случаѣ зло, отмѣченное оффиціальнымъ лицомъ въ оффиціальной бумагѣ, должно заставить обратить на себя вниманіе, въ виду желательности его пресѣченія и прекращенія.

Равнодушіе къ садоводству, уничтоженіе садовъ—этой красы нашихъ деревень и крупнаго подспорья въ сельскомъ хозяйствѣ, замѣчается въ послѣднее время не въ одномъ сословіи духовномъ. Немного осталось и садовъ помѣщьихъ, которымъ быть бы въ порядкѣ, а не въ запустѣніи. Хаты поселянъ въ большинствѣ лишены и кустика зелени... Духовенство должно бы было придти на помощь этому общественному несчастію; но оно, оказывается, само вырубаетъ послѣднія деревья на церковныхъ усадьбахъ.

Духовенство забываетъ въ этомъ случаѣ свою же собственную выгоду. Уже давно и отовсюду слышатся жалобы на необезпеченность его положенія. Но что бы уже давно сдѣлалъ культурный житель запада изъ тѣхъ 33 десятинъ, которыя минимумъ удѣлены нашимъ причтамъ? Кромѣ обычнаго хлѣбосѣянія на поляхъ, разведенія малополезнаго конопляника и маленькихъ огородовъ для собственныхъ потребностей, наше духовенство, по какому-то принципу (точнѣе по косности), не желаетъ само же извлечь изъ принадлежащей ему земли надлежащихъ выгодъ. Не говоримъ уже здѣсь о разныхъ новшествахъ въ дѣлѣ культивированія земли и эксплоатированія ея. Пусть бы не забывалось, по крайней мѣрѣ, то, чѣмъ любили заниматься отцы наши и изъ чего они извлекли не малое подспорье своимъ скуднымъ средствамъ... Неоспоримо, что садоводство составляетъ одно изъ выгоднѣйшихъ занятій. Въ самомъ дѣлѣ, если извѣстно, что двадцатилѣтняя сильная яблоня дастъ дохода около 2 рублей въ годъ, на одной же десятинѣ можетъ рости до 250 плодовыхъ деревьевъ—вотъ уже и доходъ въ размѣрѣ 500 р. съ десятины!... И въ тоже время никакихъ почти расходовъ, такъ какъ все, что нужно по содержанію загородей, ка-

навъ и проч., вполнѣ можетъ оплачиваться сѣномъ, которое обыкновенно въ садахъ два раза убирается въ лѣто, а также продажей преждевременно опавшихъ плодовъ... Принесетъ ли въ годъ вся земля священника,—что можетъ принести одна десятина?

При отсутствіи излишнихъ расходовъ, въ занятіи садоводствомъ отсутствуетъ и излишній трудъ. Часъ—другой въ день, чтобы выйдти лѣтомъ въ садъ, посмотрѣть на своихъ питомцевъ и заняться ими—вотъ и все. Но такое время всегда можетъ удѣлить саду священникъ, какъ бы онъ ни былъ занятъ,—особенно если помогаетъ ему матушка. Требуется лишь знаніе и опытность, которыя пріобрѣсти нетрудно,—да любовь и усердіе къ дѣлу. Но все это зависитъ лишь отъ одной доброй воли и желанія духовенства.

Мало того, что занятіе садоводствомъ—не трудъ, оно—высокое и чистое удовольствіе, какого только можетъ пожелать себѣ человѣкъ, не совсѣмъ еще порвавшій всякую связь съ природой, и какое особенно прилично священнику. Садовыя занятія, погружая человѣка въ лоно природы, наполняютъ его душу чистою радостью, предъ которой ничтожны всѣ шумныя забавы міра, дѣлаютъ его счастливымъ, веселымъ и здоровымъ. Вотъ почему больныхъ посылаютъ лѣчиться въ деревню; потому же и городской житель находитъ удовольствіе въ разведеніи садиковъ и ищетъ лѣтомъ отдыха и успокоенія въ тѣни деревенскихъ лѣсовъ и садовъ.

Ссылаться только на то (какъ это дѣлаетъ и самъ о. благочинный, слова котораго мы привели), что, «по случаю ненаслѣдственности мѣстъ въ духовенствѣ», нѣтъ никакихъ побужденій къ разведенію садовъ, такъ какъ все равно поступитъ на мѣсто новое чужое лицо,—и садъ или придется вырубить, или отдать за безцѣнокъ,—ссылаться на это, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательно. Слѣдуя такой логикѣ, нашему духовенству оставалось бы еще только перестать и строиться на церковныхъ усадьбахъ, а проживать въ какой нибудь наемной курной хатѣ; ибо, вѣдь, и постройка когда нибудь должна быть снесена или тоже продана за безцѣнокъ,—и однако же мы видимъ, что нынѣ строятся куда какъ лучше, чѣмъ строились отцы наши. Конечно, пріятно посадить

деревцо въ томъ убѣжденіи, что подъ тѣнью его будутъ отдыхать и плодами ея пользоваться не только дѣти, но внуки и правнуки, когда тебя уже давно не будетъ на свѣтѣ; но я-то самъ гдѣ же? Вѣдь и самому мнѣ и выгодно и пріятно заняться садоводствомъ. И пусть я даже знаю, что, съ переходомъ моимъ въ другое мѣсто, или по смерти моей, деревья выхоленныя мною, въ крайнемъ случаѣ и вырублены будутъ и заглохнутъ, но они приносятъ мнѣ пользу, они доставляютъ мнѣ удовольствіе, даютъ мнѣ отдыхъ и успокоеніе; развѣ уже одного этого мало? А знаемъ мы и такіе случаи, что сады, оставшіеся по смерти владѣльцевъ ихъ и не отнятые у сиротъ человѣколюбивыми членами причтовъ, служили богатымъ источникомъ содержанія этихъ сиротъ. Нѣтъ, суть дѣла не въ томъ. Все здѣсь—въ нашемъ равнодушіи и нашей косности: отрѣшились мы отъ природы, нашли себѣ другія занятія и развлеченія, не желаемъ мы познакомиться съ дѣломъ и взяться за него. Недостаетъ любви къ природѣ, недостаетъ иниціативы ко всякому новому дѣлу. А тутъ еще общее враждебное отношеніе ко всякой растительности, уже давно замѣченное въ русскомъ народѣ. И вотъ мы не только не разводимъ садовъ, но вырубаемъ и существующіе, что походитъ уже на... варварство.

Но, что еще тяжелѣе, пренебреженіе духовенства къ занятію садоводствомъ имѣетъ значеніе общественнаго зла. Мы только что сказали объ отношеніи нашего народа къ растительности. Богата была ею страна наша, но варварская рука безъ пощады истребила и истребляетъ ее. Гдѣ тѣ лѣса непроходимые, что покрывали землю нашу? Гдѣ тѣ дороги, обсаженныя деревьями, подъ которыми усталые путники-богомольцы находили себѣ тѣнь и отдохновеніе? Гдѣ тѣ сады, въ которыхъ когда то утопали селенія наши? Оскудѣли деревья, лѣса и сады,—и земля наша утратила свою прежнюю матеріальную выгоду и поэтическую прелесть. Рѣки изсякаютъ, почва высыхаетъ. Замолкли пѣсни пернатыхъ обитателей лѣсовъ и садовъ, голыя стѣны деревенскихъ жилищъ наводятъ одно уныніе на душу; деревни, отъ отсутствія въ нихъ всякой растительности, смотрятъ угрюмо, полны зловонія и въ безчисленномъ количествѣ пожираются пламенемъ пожаровъ. Народъ потерялъ всякое понятіе, что значитъ садъ и лѣсъ, что значатъ де-

ревца, посаженныя между домами... Кому бы прежде всего здѣсь придти на помощь, какъ не отцу своихъ прихожанъ, приходскому пастырю? Онъ—радѣтель не одного только религіозно-нравственнаго состоянія своихъ пасомыхъ, но и матеріальнаго ихъ благосостояніи. Вѣдь, достаточенъ приходъ—достаточна церковь, достаточенъ и причтъ. Занятъ народъ чистыми удовольствіями, какія, напр., можетъ дать садоводство,—и меньше отлучекъ изъ дома, меньше разгула, меньше посѣщеній кабаковъ... И какъ прекрасно было бы, если бы священникъ, заведши свой садикъ, повліялъ примѣромъ и руководствомъ своимъ на заведеніе таковыхъ же и въ приходѣ! И понялъ бы народъ и убѣдился бы, что нѣтъ дѣла выгоднѣе и пріятнѣе, какъ занятіе садоводствомъ; а тамъ возобновилось бы и наше пчеловодство, стоящее въ такой тѣсной связи съ садами! Тогда и порубокъ деревьевъ было бы меньше, ибо каждый сознавалъ бы пользу дерева; тогда и воровство плодовъ уменьшилось бы, ибо не зачѣмъ воровать то, что есть у себя. И ожила бы наша родная страна, улучшилось бы ея матеріальное благосостояніе, не такъ бы стали страшны и опустошительны пожары, возвысилась бы и нравственность народа.

Какъ мѣру къ прекращенію уничтоженія садовъ въ духовенствѣ упомянутый о. благочинный предлагаетъ слѣдующее: «постановленіе о вознагражденіи за сады и деревья, при перемѣнѣ мѣстъ и при поступленіи вновь на мѣста, устранило бы столь непріятное явленіе въ жизни духовенства. И такое постановленіе ни сколько не затруднительно: благочинническій совѣтъ оцѣнитъ и присудитъ заплатить за садъ. Большихъ садовъ очень мало, а въ небольшемъ саду нисколько не затруднительно для новаго владѣльца уплатить по 1 рублю за взрослую яблоню, когда онъ въ одинъ годъ получитъ обратно свой рубль плодами». Такое постановленіе было бы дѣйствительно желательно. А еще желательнѣе, чтобы духовенство, не ожидая постановленій, по собственной инціативѣ, приняло ближе къ сердцу дѣло, прямо касающееся и его собственнаго благосостоянія и благосостоянія ввѣренныхъ его руководству. (Вол. Еп. Вѣд.).

Извѣстія и замѣтки.

— **Праздникъ православныхъ подолянъ.** 13 и 14 прошлаго мая, въ Каменцѣ-Подольскомъ торжественно праздновалось столѣтіе учрежденія подольской православной епархіи. Кому неизвѣстно, что нашъ подольскій край еще на зарѣ нашей государственной жизни былъ землей славяно-русской и частью русскаго государства; затѣмъ, татарскій погроммъ обратилъ его въ татарскій улусъ; потомъ овладѣла имъ Литва, а съ Литвою впослѣдствіи онъ перешелъ къ Польшѣ, и только 102 года тому назадъ возвратился къ Россіи, какъ исконное ея достояніе. Много пришлось вытерпѣть православнымъ подолянамъ въ борьбѣ за вѣру предковъ и русскую народность. Два года спустя послѣ возсоединенія Подоліи съ Россіей, въ возсоединенномъ краѣ образована была самостоятельная православная епископская каѳедра. И вотъ, нынѣ исполнилось столѣтіе служенія архипастырей подольскихъ дѣлу развитія религіозно-нравственнаго воспитанія русскаго населенія и утвержденія его въ духѣ православія. И надо признать, что въ силу исключительныхъ условій, въ кои поставленъ былъ край, благодаря своему, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, отчужденію отъ Великой Руси и о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, миссія подольскихъ архипастырей являлась еще очень долгое время дѣломъ далеко не легкимъ. Въ свое время исторія церкви оцѣнитъ, конечно, по достоинству ихъ заслуги, ихъ непреклонную волю и энергію, а также и конечные результаты ихъ организаторской работы въ родномъ намъ краѣ на нивѣ духовной. Подольской паствой въ теченіе истекшаго столѣтія управляло 15 архипастырей. Первымъ изъ нихъ былъ архіепископъ Іоанникій (1795—1819); на его долю упадаетъ почти четверть столѣтія служенія Подоліи въ самое трудное время. Въ дѣлѣ устроенія подольской епархіи онъ является главнѣйшимъ и притомъ самымъ умѣлымъ и тактичнымъ организаторомъ великаго и труднаго дѣла; многое изъ сдѣланнаго имъ существуетъ и понынѣ. Преемниками высокопреосвященнаго Іоанникія послѣдовательно были: 1) архіеп. Антоній (1819—1821), 2) архіеп. Ксенофонтъ (1821—1832), 3)

архіеп. Кириллъ (1832—1841), 4) архіеп. Арсеній (1841—1848), 5) еп. Елпидифоръ (1848—1851), 6) еп. Евсевій (1851—1858), 7) архіеп. Иринархъ (1858—1863), 8) архіеп. Леонтій (1863—1874), 9) еп. Θеогностъ (1874—1878), 10) еп. Маркелъ (1878—1882), 11) еп. Викторинъ съ 6 марта по 21 авг. 1882 г.), 12) еп. Іустинъ (1882—1887), 13) еп. Донатъ (1887—1890) и 14) еп. Димитрій, нынѣ управляющій подольской епархіей. Изъ 10 почившихъ уже подольскихъ архипастырей два скончались въ санѣ митрополита (Арсеній и Леонтій), семь въ санѣ архіепископа и только одинъ (Викторинъ), пробывшій въ Подоліи всего около 4-хъ мѣсяцевъ и скончавшійся здѣсь, умеръ въ санѣ епископа. Изъ 5-ти же здравствующихъ нынѣ подольскихъ іерарховъ четыре продолжаютъ свое архипастырское служеніе, при чемъ два изъ нихъ— въ санѣ архіепископа (Θеогностъ и Іустинъ).

Всѣ, перечисленные выше подольскіе архипастыри въ той или другой мѣрѣ внесли свою посильную лепту въ дѣло духовнаго возрожденія Подоліи, и итогомъ религіозно-нравственныхъ и просвѣтительныхъ задачъ ихъ, въ значительной мѣрѣ достигнутыхъ уже, является только-что отпразднованное подолянами торжество.

На это знаменательное для нашей Подоліи торжество прибыли наканунѣ высокопреосвященный Модестъ, архіепископъ волынскій (уроженецъ Подоліи и бывшій воспитанникъ подольской семинаріи) и г. Начальникъ Юго-Западнаго края, графъ А. П. Игнатьевъ; прибыли также делегаціи отъ епархій Волынской и Херсонской, отъ Почаевской Успенской лавры, Владиміръ-Волынскаго братства и нѣкоторыя другія; изъ уѣздовъ губерніи съѣхались депутаты отъ духовенства Подольской епархіи (въ общемъ свыше 120 священниковъ), нѣкоторые уѣздные предводители дворянства, мировые посредники и многія другія лица, пожелавшія принять непосредственное участіе въ предстоявшемъ праздновании. Съ разныхъ концовъ земли Русской присланы были привѣтствія по почтѣ и телеграфу; въ числѣ послѣднихъ получены были между прочимъ телеграммы отъ митрополитовъ кіевскаго—Іоанникія и с.-петербургскаго—Палладія, отъ архіепископовъ финляндскаго—Антонія, херсонскаго—Іустина, новгородскаго—Θеогноста и

пребывающаго нынѣ на покоѣ архіепископа Доната,—затѣмъ, отъ ректора Кіевской духовной академіи—епископа Сильвестра и отъ многихъ другихъ лицъ и учрежденій какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Кромѣ того, прислано было свыше 13 адресовъ, а также не мало и писемъ съ привѣтствіями; изъ числа этихъ послѣднихъ особенно сердечнымъ и глубоко-прочувствованнымъ является привѣтственное письмо проф. Кіевской духовной академіи Н. И. Петрова. Но самую дорогую и радостную часть торжества для участниковъ въ немъ случай приберегъ подконецъ. На посланную 15 мая (извѣстную читателямъ «Кіевлянина». см. № 136) г. Генералъ-Губернаторомъ, графомъ А. П. Игнатьевымъ, Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшую телеграмму о совершившемся радостномъ для православной Подоліи событіи, Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ осчастливить г. Главнаго начальника края милостивымъ отвѣтомъ.

13 мая было первымъ днемъ подольскихъ празднествъ; но еще на канунѣ, 12 числа вечеромъ, колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города возвѣстилъ городскому населенію о предстоявшемъ торжествѣ. Во всѣхъ церквахъ отслужено было всенощное бдѣніе, при чемъ въ св. Іоанно-Предтеченской церкви (б. старомъ соборѣ), гдѣ погребенъ первый архипастырь подольскій Іоанникій, служилъ преосвященный Димитрій, епископъ подольскій и брацлавскій, а въ Успенской церкви архіерейскаго дома—прибывшій на празднество архимандритъ Почаевской лавры о. Алипій. 13 мая, съ ранняго утра, городъ успѣлъ уже преобразиться, повсюду разукрасился флагами, на улицахъ стало замѣчаться особое оживленіе; въ группахъ народа, сновавшаго повсюду, встрѣчалось не мало крестьянъ, прибывшихъ изъ окрестностей въ праздничныхъ костюмахъ. Высокопреосвященный Модестъ утромъ отслужилъ обѣдню въ кладбищенской церкви; церковь эта, несмотря на относительную свою отдаленность отъ города, переполнена была народомъ. Въ тотъ-же день преосвященный Димитрій служилъ литургію соборне съ городскимъ и пріѣзжимъ духовенствомъ въ св. Іоанно-Предтеченской церкви, куда, послѣ состоявшагося въ 10 ч. утра представленія г. Главному начальнику края должностныхъ лицъ, эти послѣднія собрались во главѣ съ графомъ А. П.

Игнатьевымъ и г. начальникомъ губерніи А. П. Баумгартеномъ. На литургіи преосвященный Димитрій сказалъ теплое, задушевное слово, посвященное жизни и дѣятельности перваго архипастыря подольскаго Іоанникія, характерно отмѣтивъ всѣ его труды и заслуги на поприщѣ столь продолжительнаго и многотруднаго святительскаго служенія въ Подоліи и ихъ для края значеніе. При этомъ преосвященный Димитрій замѣтилъ, что и въ последующее время для преемниковъ архіеп. Іоанникія, ихъ архипастырская миссія въ нашей западной окраинѣ весьма долго представлялась дѣломъ, требовавшимъ значительныхъ усилій и труда. По окончаніи литургіи, преосвященный Димитрій, въ сослуженіи съ преосвященнымъ Николаемъ, епископомъ балтскимъ, и многочисленнымъ духовенствомъ, совершилъ торжественную панихиду по въ Бозѣ почившихъ россійскихъ монархахъ—Екатеринѣ II, Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III,—по архипастыряхъ Подоліи и всѣхъ достопамятныхъ ея дѣятеляхъ. Послѣ сего, преосвященные владыки, г. Начальникъ края, г. подольскій губернаторъ, начальникъ мѣстнаго гарнизона ген.-лейт. Хрещатицкій и многія другія лица, присутствовавшія на богослуженіи, приглашены были въ находящееся по сосѣдству съ св. Іоанно-Предтеченскою церковью мѣстное мужское духовное училище для кратковременнаго отдыха. Здѣсь они были радушно встрѣчены смотрителемъ училища Н. И. Яворовскимъ. Сюда прибылъ также и архіепископъ волынскій Модестъ. Гостямъ предложенъ былъ въ квартирѣ смотрителя училища чай, а полчаса спустя всѣ отправились въ нововыстроенное зданіе для мѣстной духовной консисторіи. Преосвященный Димитрій освятилъ зданіе, сказавъ поученіе членамъ консисторіи, и благословилъ ихъ иконою Смоленской Божьей Матери. Большой присутственный залъ консисторіи и смежныя съ нимъ комнаты были переполнены участниками торжества. По прибытіи г. Главнаго начальника края, въ сопровожденіи г. подольскаго губернатора, прибывшихъ сюда нѣсколько позже, преосвященный Димитрій, открывъ собраніе, въ краткой, но прочувствованной рѣчи поблагодарилъ, въ лицѣ собравшихся, всѣхъ за то живое участіе, которое проявилось отовсюду въ этотъ знаменательный для православной Подоліи день

къ празднуемому ею торжеству. Затѣмъ, смотритель мѣстнаго мужскаго духовнаго училища Н. И. Яворовскій прочелъ собранію прекрасно составленную историческую записку, въ коей, между прочимъ, указалъ, что быстрое возсоединеніе съ православной церковью подолянъ-уніатовъ и возникшая въ 1795 году необходимость учрежденія въ Подоліи самостоятельной православной епископской каѳедры есть не что иное, какъ результатъ прошлой исторической жизни Подоліи, издревле заселенной русскимъ православнымъ народомъ, съумѣвшимъ и подъ чужеземнымъ игомъ отстоять свою вѣру и народность. Ясно, что, съ присоединеніемъ Подоліи къ Россіи, осуществились лишь завѣтныя желанія православныхъ подолянъ--свободно исповѣдывать свою родную Вѣру православную. Но для того, чтобы осуществленіе этихъ справедливыхъ желаній сдѣлать полнымъ, потребовалось еще много и времени и труда, и энергіи и такта со стороны подольскихъ архипастырей. Въ этомъ ихъ безспорная заслуга, и спустя цѣлое столѣтіе настоящее торжество еще ярче оттѣняетъ ее въ общемъ сознаніи, что заботы и усилія подольскихъ архипастырей въ дѣлѣ укрѣпленія православія и русской народности въ Подоліи не были тщетны. Начались привѣтствія. Первымъ привѣтствовалъ подольскую епархію, въ лицѣ преосвященнаго Димитрія, архіепископъ волынскій Модестъ, въ простой и задушевно-трогательной рѣчи отмѣтившій существующую уже цѣлые вѣка между Подоліею и Волынью тѣсную историческою связь и отсюда естественно вытекающую сорадость Волыни по поводу наступившаго нынѣ радостнаго для Подоліи событія. Съ сердечнымъ пожеланіемъ дальнѣйшаго преуспѣянія православія въ Подоліи, высокопреосвященный Модестъ вручилъ преосвященному Димитрію въ даръ для подольской епархіи св. икону волынскихъ угодниковъ Божіихъ. Послѣ архіепископа Модеста, г. Главный начальникъ края, графъ А. П. Игнатьевъ въ своей привѣтственной рѣчи указалъ, что дорогой каждому православному праздникъ православія—торжество не только церковное, но и общегосударственное, ибо оно является прямымъ послѣдствіемъ того вѣковаго единенія церкви и единодержавія, которымъ такъ справедливо гордится Русь. Единеніе это искони крѣпко живетъ въ сознаніи русскаго православнаго

народа. Въ немъ-то именно и кроется та нравственная сила, которая дала нѣкогда многострадальной православной Подоліи возможность отстоять въ вѣковой борьбѣ, отошедшей уже въ область исторіи, свою вѣру и народность. Та-же неразрывная связь народа русскаго съ церковью и со своими государями послужила впослѣдствіи для Подоліи неизсякаемымъ источникомъ постепеннаго духовнаго ея возрожденія и развитія въ ней гражданственности. Въ заключеніе своей рѣчи графъ А. П. Игнатьевъ выразилъ сердечныя пожеланія, чтобы Провидѣніе даровало архипастырямъ подольскимъ силы съ неизмѣннымъ успѣхомъ продолжать такъ блестяще начатое ихъ предшественниками великое дѣло служенія церкви Христовой и утвержденія православія въ краѣ, нѣкогда столь много претерпѣвшемъ, но издревле русскомъ и не утратившемъ ни мало особенностей нашего общаго великаго отечества.

Затѣмъ, житомірскій каѳедральный протоіерей Н. Н. Трипольскій прочелъ адресъ отъ Волынской епархіи, а подольскій губернаторъ А. П. Баумгартенъ привѣтствовалъ преосвященнаго Димитрія рѣчью, въ которой замѣтилъ, что, сопоставляя условія дѣятельности подольскихъ архипастырей съ тѣми результатами, которыми увѣнчалась эта дѣятельность, нельзя не удивляться ихъ великой мощи духа, ихъ великимъ нравственнымъ и умственнымъ силамъ, бодрости духа, глубокой непоколебимой вѣрѣ въ святость дѣла и въ свое призваніе.

Начальникъ мѣстнаго гарнизона генералъ Р. А. Хрещатицкій, привѣтствуя владыку отъ имени воинскихъ частей каменецъ-подольскаго гарнизона, упомянулъ, что въ борьбѣ за возрожденіе и укрѣпленіе православія въ Подоліи, была доля участія и воинскаго подвижничества. Русскій-ли солдатъ, ведомый на ратное дѣло, вольный-ли казакъ, на свой страхъ и совѣсть ширившій предѣлы Русскаго государства,—всегда и вездѣ влекомы были православнымъ русскимъ крестомъ, твердо памятуя отчій завѣтъ: «симъ знаменіемъ побѣдиши».

Далѣе слѣдовали адресы и подношенія святыхъ иконъ: отъ Почаевской Успенской лавры (прочелъ архимандритъ о. Алипій), отъ Херсонской епархіи (прочелъ свящ. одесской Покровской

церкви А. М. Шаравскій, уроженецъ Подоліи), отъ Кременецкой семинаріи, Владиміръ-Волынскаго братства, Барскаго монастыря, Тульчинскаго епархіальнаго женскаго училища, Тульчинскаго мужскаго духовнаго училища, Каменецъ-Подольскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, Подольской семинаріи, Каменецъ-Подольскаго городскаго общественнаго управленія и, наконецъ, отъ г. Бара (прочелъ барскій городской голова П. А. Томиловскій, при чемъ представилъ въ распоряженіе епархіальнаго начальства постановленіе города объ учрежденіи въ память радостнаго для православной Подоліи событія безсрочной ежегодной стипендіи въ 100 руб., въ пособіе одному изъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ мѣстной духовной семинаріи и одной изъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ каменецъ-подольскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства). Въ заключеніе сказалъ привѣтствіе В. М. Скворцовъ. На каждую рѣчь и привѣтствіе преосвященный Димитрій отвѣчалъ теплыми словами. Заключительное слово собравшимся на торжество сказано было мѣстнымъ каѳедральнымъ протоіереемъ Н. П. Бунинымъ, который въ сердечныхъ выраженіяхъ обратился къ «желаннымъ гостямъ» и сказалъ: «удостоивъ своимъ посѣщеніемъ настоящее наше скромное празднество столѣтія учрежденія епархіи, съ принесеніемъ только-что выслушанныхъ нами привѣтствій и благопожеланій по этому поводу, вы усугубили смыслъ и значеніе этого празднества и несказанно радуете насъ этимъ. Мы радуемся, но радуемся не за себя лично, а за то дѣло, которому служить Господь судилъ намъ здѣсь,—не за временное и, такъ сказать, минутное настоящее торжество наше, а за ту незыблемую его основу, осязательнымъ выраженіемъ которой оно является».

Рѣчью этой и законченъ былъ, такъ сказать, первый актъ торжества. Позже въ этотъ день состоялся обѣдъ у преосвященнаго Димитрія; вечеромъ же высокопреосвященный архіепископъ Модестъ служилъ всенощную въ мѣстномъ каѳедральномъ соборѣ, а преосвященный Димитрій—въ Успенской архіерейской церкви. Въ послѣдней на богослуженіи присутствовалъ и г. Главный начальникъ Юго-Западнаго края.

Слѣдующій день, 14 мая, прошелъ не менѣе торжественно. Съ утра во всѣхъ церквахъ города началось богослуженіе, а въ

мѣсномъ каѳедральномъ соборѣ совершали божественную литургію три архипастыря—высокопреосвященный Модестъ, архіепископъ волынскій, и преосвященные Димитрій, епископъ подольскій и брацлавскій, и Николай, епископъ балтскій, въ сослуженіи съ многочисленнымъ духовенствомъ. Соборъ и церкви переполнены были народомъ. Въ соборѣ свящ. о. Павломъ Викуломъ произнесена была приличествующая случаю проповѣдь. Къ концу литургіи въ соборѣ къ соборной площади стали направляться изъ всѣхъ церквей г. Каменца-Подольскаго и его окрестностей сопровождаемые народомъ крестные ходы. Здѣсь-же, на площади и на прилегающихъ къ ней улицахъ собрались войска мѣстнаго гарнизона и учащіеся учебныхъ заведеній. Тѣмъ временемъ толпы народа прибывали, но должны были размѣститься по пути предстоявшаго торжественнаго шествія общаго крестнаго хода для молебствія на семинарскую площадь. Путь не близкій, но по всему его протяженію, за шпалерами разставленныхъ войскъ, вдоль улицъ и домовъ разукрашенныхъ флагами, а равно за длинною оградою новаго бульвара толпился повсюду въ ожиданіи церковной процессіи народъ. Всѣ балконы и окна домовъ были переполнены желавшими хоть посмотрѣть на рѣдкое торжество. По окончаніи литургіи, при звукахъ военной музыки и колокольномъ звонѣ, торжественно направился къ мѣсту молебствія общій крестный ходъ. Картина была рѣдкая и величественная. Свыше полутораста священниковъ, въ новыхъ блестящихъ облаченіяхъ, предшествовали архипастырямъ. За церковною процессіей слѣдовали власти, войска и народъ. Все это двигалось медленно, чинно, въ строгомъ порядкѣ, что еще болѣе усиливало торжественность. По прибытіи на семинарскую площадь совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе. Послѣ чего крестные ходы возвратились по своимъ церквямъ, а архипастыри и участники торжества, во главѣ съ г. Главнымъ начальникомъ края, посѣтили ректора Семинаріи протоіерея М. И. Щеглова. Послѣ чая, предложеннаго г. Щегловымъ и получасового отдыха, гости приглашены были въ актовый залъ Семинаріи. При входѣ архипастырей, всѣ воспитанники Семинаріи пропѣли хоромъ тропарь Вознесенію Господню и апостолу Іоанну Богослову. Затѣмъ, когда гости размѣстились въ

залѣ, прочитаны были полученныя въ этотъ день привѣтствія подольскому духовенству отъ разныхъ учрежденій и лицъ. Семинарскій хоръ спѣлъ концертъ «Сей нареченный и святый день», а преподаватель семинаріи І. И. Өедоровъ прочелъ прекрасную рѣчь о подольскихъ архипастыряхъ. Прочитанный рефератъ составляетъ весьма почтенный и самостоятельный трудъ лектора, обработанный по новымъ источникамъ. Въ заключеніе, семинарскій хоръ и оркестръ исполнили—«Славься, славься нашъ русскій Царь» и «Боже, Царя храни». Юбилейное торжество въ Семинаріи окончилось въ 4 часа дня и завершилось братской трапезой, предложенной участникамъ торжества подольскимъ духовенствомъ. Обѣдъ вышелъ равнымъ образомъ давно не бывалый въ Каменцѣ-Подольскомъ—на 320 кувертовъ, но прошелъ онъ задушевно и оживленно. Тостъ, провозглашенный г. Начальникомъ края за Государя Императора, былъ встрѣченъ громкимъ, восторженнымъ «ура». Читались привѣтствія (однѣхъ телеграммъ получено было свыше 30); обмѣнивались впечатлѣніями; говорились рѣчи. Сущность этихъ послѣднихъ сводилась, конечно по необходимости, на одну и ту же тему и можетъ быть обобщена въ краткой рѣчи, сказанной, между прочимъ, генералъ-маіоромъ А. И. Домантовичемъ. Генералъ Домантовичъ сказалъ приблизительно слѣдующее: Множество полученныхъ здѣсь адресовъ и привѣтствій отъ разныхъ лицъ, обществъ, учрежденій и вѣдомствъ прежде всего указываетъ на то, какъ тѣсна религіозная и общественная связь православныхъ подолянъ съ нашимъ великимъ Отечествомъ. Въ этихъ адресахъ и рѣчахъ сказывается искренняя братская любовь къ Подоліи, нѣкогда поистинѣ многострадальной. Вѣдь нѣсколько столѣтій подольскій издревле православный край изнемогалъ въ тяжкой непосильной борьбѣ съ иноземнымъ насиліемъ. Но, при всѣхъ крайностяхъ, которыя естественно должны были вызываться этой борьбой, даже во время ужасныхъ казацкихъ возстаній, повсюду мы встрѣчаемъ симпатичную черту русскаго народа стремиться не къ угнетенію чужой религіи, а лишь къ охранѣ своей собственной духовно-нравственной жизни. Эта чисто христіанская черта и создала ту народную мощь, которая, развиваясь, сказывается, наконецъ, нынѣ въ торжествѣ—Православія. На обѣдѣ

прочитано было и полученное преосвященнымъ Димитріемъ письмо профес. Н. И. Петрова. Привѣтствіе это—маленькая историческая справка о судьбахъ Подоліи—отмѣтило, между прочимъ, чѣмъ обязана Русь вообще нашимъ западнымъ окраинамъ, а въ частности Подоліи въ дѣлѣ охраны Православія и русской народности въ тяжелыя времена русской исторіи. Около 8-ми часовъ вечера обѣдъ окончился. Съ наступленіемъ сумерекъ, въ городѣ зажжена была иллюминація, и на «Новомъ бульварѣ» состоялось многочисленное народное гулянье съ благотворительною цѣлью.

15 мая, въ 9 час. утра, все пріѣзжее духовенство подольской епархіи явилось къ преосвященному епископу Димитрію за благословеніемъ въ обратный путь. Преосвященный Димитрій, воспользовавшись случаемъ, преподалъ сельскому духовенству въ пространной рѣчи рядъ наставленій о задачахъ духовныхъ пастырей по отношенію къ пасомымъ и, между прочимъ, указалъ на значеніе для народа начальной школы и вытекающія для духовенства по отношенію къ послѣдней обязанности. Въ 11 час. утра все духовенство, во главѣ съ высокопреосвященнымъ Модестомъ и преосвященными Димитріемъ и Николаемъ отправились въ Успенскую архіерейскую церковь, гдѣ и совершили соборнѣ торжественную панихиду по въ Бозѣ почивающемъ незабвенномъ Поборникѣ любви, мира и правды Государѣ Императорѣ Александрѣ Ш. По совершеніи панихиды духовенство направилось въ губернаторскій домъ съ цѣлью принести свою благодарность г. Главному начальнику края и г. начальнику губерніи за ихъ участіе въ только что завершившемся знаменательномъ празднествѣ. Духовенство, собравшись въ залѣ губернаторскаго дома, распредѣлилось группами по уѣздамъ и благочинническимъ округамъ. Лишь только вышелъ къ духовенству графъ А. П. Игнатьевъ, священникъ Е. І. Шероцкій обратился къ его сіятельству съ рѣчью, въ которой отъ имени подольскаго сельскаго духовенства заявилъ, что духовенству этому давно уже извѣстна отзывчивость графа ко всѣмъ вопросамъ, возникающимъ какъ въ дѣлѣ преуспѣянія православія въ краѣ, такъ и въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа. Духовенство высоко чтитъ и цѣнитъ очевидное стремленіе его сіятельства прійти всегда на помощь духовенству во всемъ, что

касается такъ или иначе окончательнаго утвержденія духа православія и русской народности въ Высочайше ввѣренномъ ему краѣ, И нынѣ духовенство подольское, пользуясь настоящимъ рѣдкимъ для него случаемъ, спѣшитъ выразить его сіятельству чувства глубокой и безпредѣльной своей благодарности. Графъ А. П. Игнатьевъ, отвѣчая собравшемуся духовенству на рѣчь о. Шероцкаго, замѣтилъ, что, если онъ и вноситъ посильно свою лепту въ общее святое русское православное здѣсь дѣло, то этимъ исполняетъ лишь свой вѣрноподданническій долгъ, стремясь, по мѣрѣ разумѣнія и силъ, быть вѣрнымъ, точнымъ и усерднымъ выразителемъ Высочайшей воли Государя Императора, ввѣрившаго ему край. Рѣчь графа А. П. Игнатьева, сказанная въ простыхъ, сердечныхъ, прочувствованныхъ выраженіяхъ, произвела на духовенство сильное впечатлѣніе. Здѣсь же, сельское подольское духовенство представлялось и г. начальнику губерніи А. П. Баумгартену. Каменецъ-подольскій каѳедральный протоіерей Н. П. Бунинъ, представляя сельскихъ пастырей, между прочимъ, сказалъ: православное духовенство Подоліи, въ лицѣ собравшихся здѣсь своихъ представителей, только что отслужило торжественную панихиду по въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Ш—Великомъ Миротворцѣ и истинномъ поборникѣ правды православія въ землѣ русской, возвратившемъ ему искони принадлежавшее право школьнаго учительства, и этимъ актомъ оно заканчиваетъ свои юбилейныя празднества. Оно всегда готово итти по предначертанному для него Царственною Десницею пути народнаго просвѣщенія и проситъ лишь содѣйствія и указаній отъ мѣстной гражданской власти. Начальникъ губерніи А. П. Баумгартенъ отвѣтилъ на это, что онъ, и по внутреннему своему убѣжденію, и по долгу службы, безусловно сочувствуетъ просвѣтительной миссіи духовенства и будетъ стараться посильно помочь ему во всемъ, что будетъ отъ него зависѣть.

Этимъ собственно и закончились празднества въ Каменцѣ-Подольскомъ. На слѣдующій день, 16 мая, въ 9 ч. утра г. Главный начальникъ края съ сопровождавшими его лицами выѣхалъ изъ Каменца-Подольскаго обратно въ Кіевъ. Въ тотъ же день, нѣсколько позже, выѣхалъ въ свою епархію и высокопреосвященный архіепископъ Модестъ. («Кіевл.»).,

— **Пребываніе въ Кіевѣ и отъѣздъ товарища оберъ-прокурора Св. Синода.** Товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода, т. с. В. К. Саблеръ прибылъ въ Кіевъ утромъ 29 мая изъ черниговской епархіи, гдѣ онъ былъ по дѣламъ раскола и посѣтилъ главнѣйшіе центры старообрядчества въ уѣздахъ новозыбковскомъ и стародубскомъ.

На вокзалѣ тайнаго совѣтника В. К. Саблера встрѣтилъ намѣстникъ Кіево-Печерской лавры. Съ вокзала товарищъ оберъ-прокурора поѣхалъ въ Лавру, гдѣ остановился. Выслушавъ въ Лаврѣ литургію, товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода посѣтилъ Ея Императорское Высочество Великую Княгиню Александру Петровну, г. Начальника края и Кіевскую духовную академію, гдѣ въ покояхъ ректора, епископа Сильвестра, товарища оберъ-прокурора встрѣтили члены правленія Академіи профессора—И. И. Малышевскій и В. Ѳ. Пѣвницкій.

Изъ академіи В. К. Саблеръ проѣхалъ во Флоровскій монастырь, а оттуда въ Голосѣевскую пустынь заѣхавъ по пути въ Китаевскую обитель, къ высокопреосвященному митрополиту Іоанникію, гдѣ провелъ въ бесѣдѣ съ Архипастыремъ нѣсколько часовъ времени. Во вторникъ, 30 мая, В. К. Саблеръ посѣтилъ церковныя школы Выдубецкаго монастыря и Кіево-Печерской лавры, гдѣ присутствовалъ на экзаменахъ. Посѣтивъ затѣмъ г. Начальника губерніи, попечителя кіевскаго учебнаго округа, епископовъ Іоанникія и Іакова, В. К. Саблеръ отбылъ на вокзалъ желѣзной дороги и со скорымъ поѣздомъ курско-воронежской ж. д. отправился чрезъ Москву во Владиміръ, для экстренной ревизіи Духовной семинаріи.

— Кіевскій епархіальный училищный совѣтъ обратился къ городскому головѣ съ просьбой, въ которой указывалъ, что, по распоряженію Училищнаго при Св. Синодѣ совѣта, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ этомъ году будутъ устроены **лѣтніе учительскіе курсы церковнаго пѣнія**, въ которыхъ чувствуется особая надобность, такъ какъ со стороны народа все болѣе и болѣе возрастаетъ потребность обученія дѣтей въ начальныхъ школахъ церковному пѣнію. Но такъ какъ въ лѣтніе мѣсяцы всѣ учебныя заведенія г. Кіева производятъ усиленный ремонтъ своихъ классныхъ помѣщеній и ни въ одномъ изъ нихъ нельзя устроить сказанныхъ курсовъ, то

Кіевскій епархіальный Училищный совѣтъ просилъ Думу и на этотъ разъ предоставить для нихъ верхній этажъ контрактоваго дома съ 20 іюня по 31 іюля. Просьба уважена.

Неоффиціальной части редакторъ, Прот. *Павелъ Троцкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

№ 12 сданъ на почту 17 іюня.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 13 іюня 1895 г.

Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ.*

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.